

Наступила зима, и пронизывающий до костей ветер властвовал над землёй. Снега ещё не было, но по утрам лужи в полях подёргивались тонкой корочкой льда.

Проснувшись, Е Ишу закутался в толстую поношенную куртку и снова отправился в горы вместе с родителями.

Вчерашний урожай каштанов, доставленный в уезд, был немедленно скуплен рестораном «Цюн-лоу» по пять вэней за цзинь. Больше сотни цзиней каштанов принесли им пятьсот вэней — деньги, будто с неба упавшие.

Е Ишу отдал всю выручку родителям, и те не могли сдержать счастливых улыбок.

Увидев, что дело выгодное, они и сегодня последовали за сыном в горы.

Однако место вчерашнего сбора было уже пустым — если не считать орехов, оставленных на ветках для диких зверей. Пришлось искать новую каштановую рощу.

Каштановые деревья в горах росли в изобилии, но редко образовывали сплошные заросли; в основном они были разбросаны поодиночке. Е Ишу вёл родителей за собой, радуя их каждой новой находкой.

К счастью, зимой звери прятались в своих норах, и можно было не опасаться змей или ядовитых насекомых. Е Ишу позволил им свободно бродить в поисках орехов.

Они пересекли два горных хребта. С самого утра и до наступления темноты, не считая короткого перерыва на обед, состоявший из сухих лепёшек, супруги трудились не покладая рук.

В горах было прохладно, и они поспешили домой до наступления сумерек.

Вернувшись, Ши Пулю занялась ужином, а Е Чжэнкунь принялся чистить каштаны.

Ли Сынян и Цзинь Лань, увидев это, не преминули зайти и набрать себе по горсти. Сырые каштаны тоже были съедобны и годились для перекуса.

— Эта дрянь повсюду растёт, — проворчала Ли Сынян. — Не понимаю, зачем в горы таскаться, вместо того чтобы на работу ходить.

Е Чжэнкунь, молча склонившись над каштанами, не ответил.

Ли Сынян, смерив его неприязненным взглядом, отвернулась и ушла.

Цзинь Лань же, оставшись стоять, язвительно заметила:

— Послушай, старший брат, мужчина должен стремиться к большему. Вот мой четвёртый, например, тот умеет зарабатывать большие деньги. А что толку целыми днями то в горах пропадать, то в поле копать?

Лицо Е Ишу потемнело.

— В таком случае, младшая тётушка, верните-ка тот рис и муку, что вы ели, да и каштаны эти извольте выплюнуть.

Цзинь Лань застыла, её лицо исказилось. Она швырнула каштаны на землю.

— Больно надо!

И, вильнув бёдрами, удалилась.

В этот момент во двор вбежал Доумяо, неся в руках маленькую скамеечку и две деревянные дощечки. Он поставил одну скамейку за спиной Е Ишу, а на вторую сел сам.

— Брат, давай чистить.

Е Ишу сел и, прижав колючую скорлупу каштана дощечкой, спросил:

— Отец, я видел, как мы возвращались, у деревенского плотника во дворе развешивали красные ткани. У них какое-то событие?

— Его старший внук жену в дом приводит.

— Сколько же ему лет? — Внук плотника Тан в детстве бегал за ним хвостиком. Кажется, он был немного младше.

Е Чжэнкунь взглянул на своего гээр и, вспомнив вчерашний разговор, вздохнул.

— Семнадцать.

— Ох, — в здешних краях взрослели рано, и старели тоже быстро. Семнадцатилетние женихи были на каждом шагу. Хорошо ещё, что его собственные родители не торопили, иначе Е Ишу

давно бы сбежал жить в горы.

Заметив, что гээр, кажется, недоволен, Е Чжэнкунь сменил тему.

— Завтра мы с твоей матерью идём на пир, ты пойдёшь?

Е Ишу покачал головой.

— Нет, я поеду продавать каштаны.

— Хорошо. Но ты взял у своего учителя повозку, не забудь поблагодарить. И лучше бы прихватить что-нибудь в подарок...

— Отец, я знаю. Мы поедем вместе с Ши Вэем.

После ужина, закончив с каштанами, семья разошлась по своим комнатам.

На следующее утро Е Чжэнкунь, взвалив на спину мешок с каштанами, проводил сына до дома его учителя, где обменялся несколькими словами с Ши Да.

Отправив обоих гээр в путь, Е Чжэнкунь вернулся домой.

Пир должен был состояться в полдень, поэтому утреннюю трапезу перенесли на более раннее время. Все перекусили на скорую руку, чтобы оставить место в желудке для праздничного угощения.

На свадьбах обычно не скупилась, а семья плотника была зажиточной. Ожидались и большие кости, и жирное мясо, и обильно политые маслом блюда.

Заперев дом, вся семья Е, прихватив подарки, отправилась на торжество.

До полудня они сидели, болтая и сплетничая, и то и дело поглядывали на повара, колдовавшего на выстроенной под открытым небом кухне, и на гору дымящихся пароварок.

Голодные крестьяне, сглатывая слюну, принялись за разложенные на столах семечки и арахис.

Когда начался пир, стало ещё оживлённее.

Семья плотника Тан привела в дом невестку, и все, от мала до велика, сгрудились вокруг, чтобы поглядеть на новобрачную. Жених с невестой разбрасывали конфеты и медные монеты,

а дети толкались в толпе, подбирая их.

После церемонии поклонения Небу и Земле все расселись по своим местам.

— Подавать блюда! — раздался зычный крик помощника повара.

Первыми на подносах вынесли холодные закуски: жареный арахис, семечки и конфеты, хрустящее жареное мясо, салат из трёх видов соломки, маринованные свиные уши...

Затем пришла очередь горячих блюд: свиной желудок с латуком, жареная на сале с чесноком свинина, суп с редькой...

И, наконец, появились блюда, приготовленные на пару: свиная грудинка с консервированными овощами, сладкая свинина, паровая свиная рулька...

— Ого! Старик Тан что, золото нашёл, раз такое угощение устроил?!

Такой стол стоил не меньше двух лянов серебра. Почти как в уездном ресторане.

Селяне ели, и жир стекал у них по подбородкам. Желудки были в восторге!

— А то! Считай, что нашёл, — ответил ему кто-то из знающих. — Говорят, его старший внук работал в уезде у богатых людей, и на него положила глаз дочь главной экономки, или как там её...

— В уезде? А говорили, из города.

— Родом из города, но невеста — единственная дочь в семье. Родители её у богачей служат, разве у них не будет лишних денег?

— Вот уж действительно, повезло дураку Тан Мучуаню.

— Ещё бы!

Пир у семьи Тан был знатный. Собралась вся деревня, накрыли сорок столов.

Повара пригласили из города, а расходы поделили пополам с семьёй невесты.

Плотник Тан вместе с сыном сновали между гостями, и их глаза почти скрылись в весёлых морщинках.

Пока все наслаждались пиром, Е Ишу и Ши Вэй, добравшись до уезда, перекусили в ларьке с вонтонами.

Ши Вэй продал добычу своего отца и, не задерживаясь, отправился с Е Ишу в обратный путь.

— Если поторопимся, то ещё успеем на пир, — сказал Ши Вэй, сидя рядом с Е Ишу и съёжившись, как панда.

Е Ишу, погоняя вола, ответил:

— Дорога туда и обратно занимает четыре часа, вернёмся уже вечером. Как тут успеть?

— Днём не успеем, так хоть вечером, — пробурчал Ши Вэй, пряча руки в рукава и оставив снаружи лишь глаза.

Е Ишу, щурясь от ветра, сказал:

— Кто же устраивает пир вечером?

— Семья Тан устраивает, — Ши Вэй, замёрзнув, подвинулся и спрятался за спиной Е Ишу, упервшись лбом ему в спину. — Я слышал, они в этот раз гуляют с размахом.

— Так это будут доедать то, что осталось с дневного пира.

— А много ли там останется? Ты же знаешь, сколько в нашей деревне семей, которые могут позволить себе мясо.

Е Ишу задумался.

— И то верно.

Они выехали затемно и к деревне добрались, когда уже сгустились сумерки. Ши Вэй отвёл вола в хлев, а Е Ишу пошёл домой.

Он увидел, что ворота во двор распахнуты, но в доме никого не было.

Е Ишу нахмурился и позвал:

— Мама?

Внезапно раздался какой-то шорох, и из дома торопливо вышел его младший дядя.

— Младший дядя, ты когда вернулся? — спросил Е Ишу.

Е Чжэнсун нетерпеливо отмахнулся и покинул двор.

Е Ишу, глядя ему вслед, медленно сощурился.

— Гээр, вернулся, — у ворот появились Е Чжэнкунь и Ши Пулю. За ними, помахав на прощание друзьям, вприпрыжку бежал Доумяо. Он подбежал к Е Ишу, и его глаза засияли. Е Ишу сразу понял, что тот хочет спросить, за сколько он продал каштаны.

Малыш тоже участвовал в сборе, и родители обещали выделить ему долю.

— Ты ел? — спросила Ши Пулю. — Я сейчас тебе приготовлю.

— Спасибо, мама, — ответил Е Ишу.

Ши Пулю сдержанно улыбнулась.

— Сварю лапшу, вчерашний куриный бульон ещё остался.

— Хорошо.

Отец с сыновьями вошли в дом. Е Ишу отдал отцу мешочек с серебром. Доумяо с радостным видом принёс свою копилку, открыл её и...

Она была пуста. Ни единой монетки.

Лицо Доумяо изменилось. Он закусил губу, готовый вот-вот расплакаться, и бросился к шкафу, где прятал свою копилку.

— Доумяо, что случилось?

— Папа... деньги, мои деньги пропали...

Е Ишу внезапно поднялся.

— Отец, проверьте свои.

В его собственной комнате тоже лежало два яна, отложенные на лекарства для матери.

Семья начала обыскивать дом. Вдруг снаружи послышался стук в дверь и гневный крик бабушки:

— Чтоб вас! Посмели обокрасть меня, пока меня дома не было! Шу-гээр, ты...

— Мама! Наши тоже пропали! — Е Чжэнкунь дрожащей рукой указал на пустую шкатулку. На его висках вздулись вены.

Доумяо, стоя рядом с отцом, с покрасневшими глазами и надутыми губами, всхлипнул:

— И мои... тоже...

Ли Сынян, увидев, что они не шутят, и заметив вышедшего Е Ишу с пустым кошельком в руках и лицом, тёмным как туча, всё поняла.

— Бабушка, — сказал Е Ишу. — Перед вашим приходом я видел, как младший дядя спешно выходил из дома.

Ли Сынян уже было открыла рот, чтобы разразиться бранью, но Е Ишу опередил её:

— Если бабушка не верит, давайте заявим в управу.

Взгляд старухи заметался. Услышав эти слова, она поняла, что он не лжёт. Ноги её подкосились, и она рухнула на землю, словно лишившись души, бормоча:

— Пропали, всё пропали...

— Кто?! Кто перевернул всё в моей комнате?! — с разъярённым видом вышла из своей комнаты Цзинь Лань. Она увидела, как старший брат с трудом пытается поднять рыдающую на земле старуху, и её сердце пропустило удар. Взглянув на мрачное лицо Е Ишу и подавленного Е Чжэнкуня, она догадалась, что произошло.

Она бросилась в свою комнату, открыла шкатулку, где хранила деньги...

Пусто!

— Младшая тётушка, младший дядя только что ушёл, — сказал Е Ишу.

— Е Чжэнсун! Я убью тебя! Ты украл деньги, отложенные на учёбу сына! — с покрасневшими глазами она выбежала из дома.

Ши Пулю, услышав шум, вышла из кухни с готовой лапшой.

В это время, пошатываясь, вернулся пьяный Е Кайлян. Ши Пулю, стиснув передник, спросила:

— Гээр, ты... ты правда видел?

Е Ишу кивнул.

— Возможно, младшая тётушка ещё успеет его догнать.

— Догоняй, догоняй... Старший, чего стоишь, быстро догоняй! — внезапно опомнилась старуха и тоже бросилась вон со двора.

Е Чжэнкунь побежал следом. Доумяо, надув губы, хотел было последовать за ними.

Е Ишу остановил его.

— Уже темно, тебе нельзя.

— Брат... мои деньги.

Е Ишу закрыл глаза и глубоко вздохнул. Он погладил мальчика по волосам.

— Будет хорошо, если догонят. А если нет, брат поможет тебе заработать новые.

«Ах, младший дядя, младший дядя. Только бы ты не влип в какую-нибудь серьёзную историю».

Была уже глубокая ночь.

В доме семьи Е не горело ни одной лампы, но, услышав, как открылись ворота, все вышли из своих комнат.

Е Чжэнкунь выглядел измученным. Бабушка и младшая тётушка тоже молчали.

Судя по их виду, догнать его не удалось.

— Отец, не догнали?

— Твоя младшая тётушка видела его, — глухо ответил Е Чжэнкунь. — Но когда мы подбежали, от него и след простыл. Мы искали его в городе часа три или четыре, но так и не нашли.

Е Ишу посмотрел на младшую тётушку.

— Младшая тётушка, вы знаете, чем младший дядя в последнее время занимался?

Цзинь Лань покачала головой, в её глазах плескалась ненависть.

Она вошла в дом и больше не выходила.

— Возвращайтесь спать, — тихо сказала Ши Пулю. — Завтра что-нибудь придумаем.

На следующее утро вся семья снова отправилась на поиски. Е Ишу, помня, что у матери нельзя прерывать приём лекарств, взял лук со стрелами и топор и пошёл на охоту.

Небо было затянуто тёмными тучами, дул пронизывающий ветер. Е Ишу, потеряв замёрзшее лицо, углубился в лес.

Тем временем семья Е снова и снова обыскивала город, расспрашивая всех подряд, но так и не нашла никаких следов Е Чжэнсуна.

Цзинь Лань, обессилив, рухнула на землю и беззвучно заплакала.

Она была уверена, что муж, всё ещё тоскуя по той женщине, забрал все сбережения и сбежал с ней.

Е Кайлян, протрезвев утром и узнав о случившемся, пришёл в ярость, но всё же отправился на поиски вместе со всеми.

Они даже разузнали, где жила та самая У-нян, но там уже были новые жильцы, а Е Чжэнсуна и след простыл.

Проведя в поисках ещё один день, Е Чжэнкунь сказал:

— Завтра я поеду в уезд.

Старики согласились. Ничего другого не оставалось, как вернуться домой.

Тем временем Е Ишу, проведя целый день в горах и ничего не добыв, решил заночевать в своей бамбуковой хижине и попытать счастья завтра.

Так проходил день за днём. Неожиданно в горах повалил густой снег.

Е Ишу, таща за собой только что подстреленного оленя, с покрасневшим от мороза лицом, весь покрытый снегом, с обледеневшими волосами, возвращался домой.

Чтобы подстрелить этого оленя, он просидел в засаде в кустах полдня. К счастью, на этот раз ему повезло.

Оленя можно было продать за двадцать-тридцать лянов. Этих денег хватило бы, чтобы полностью вылечить мать, и отцу больше не пришлось бы беспокоиться.

В горах шёл снег, а внизу — нет.

Е Ишу отряхнул с себя снег и дважды чихнул. Он потряс головой, чувствуя головокружение.

Наверное, прошлой ночью он простудился. Голова была тяжёлой.

Спускаясь с горы с оленем на плечах, он подошёл к реке, огибавшей деревню.

Е Ишу сам не понял, как это произошло. Дорога перед глазами поплыла, он поскользнулся на скользком камне и с плеском рухнул в воду.

Он попытался встать, но промокшая ватная одежда стала невероятно тяжёлой.

В воде было тепло, так тепло...

Снаружи было холодно, а в полях — ни души. Внезапно его охватило удушье. Он резко открыл глаза и попытался выбраться на берег.

Но голова болела всё сильнее. Услышав крик «Брат!», он ослабил хватку и погрузился в воду.

Е Ишу не спускался с горы уже три дня. За это время в семье Е пропали деньги, и все были заняты поисками Е Чжэнсуна.

Ши Пулю волновалась и за то, и за другое. Увидев, что в горах пошёл снег, а гээр всё не возвращается, она попросила мужа пойти на поиски.

Доумяо, смышлённый мальчик, сбегал к семье Ши и одолжил охотничью собаку.

Но едва они подошли к подножию горы, как увидели на берегу оленя, а в реке — плавающее тело. У Е Чжэнкуня от ужаса подкосились ноги.

Он бросился в воду, вытащил гээр и понёс домой. Его мать переодела его в сухое и укутала в одеяла, но тело оставалось ледяным.

— Гээр, гээр...

Е Ишу в тумане услышал, что кто-то зовёт его. Он приоткрыл глаза и увидел родителей.

— Олень... — прошептал он.

— Какой олень, разве он важнее тебя! — рассердилась Ши Пулю, но в то же время её сердце сжалось от жалости. Если бы не её болезнь, разве её гээр пришлось бы так рисковать?

Голова у Е Ишу всё ещё кружилась. Он закрыл глаза и снова провалился в сон.

Ши Пулю снова и снова трогала его лоб.

— Доумяо, — с тревогой сказала она, — посмотри, почему твой отец так долго не возвращается с врачом.

— Идёт, идёт!

Е Чжэнкунь привёл деревенского знахаря. Тот выписал лекарство, и Ши Пулю тут же пошла его готовить.

Напоив гээр отваром и убедившись, что температура спала, она с облегчением вздохнула.

— Что за напасть... — прошептала Ши Пулю, и голос её сорвался. Она отвернулась, чтобы вытереть слёзы. — Больше не пущу гээр в горы.

Доумяо, прижавшись к кровати, решительно кивнул. Его глаза тоже покраснели от страха.

Он до сих пор не мог забыть, как его брат неподвижно лежал в воде. Они с отцом чуть не

сошли с ума от ужаса.

— Мама, доктор Сун теперь мой зять? — внезапно спросил малыш.

Ши Пулю прикрыла ему рот рукой.

— Не говори глупостей, нет.

— Но вы же раньше говорили...

Ши Пулю покачала головой.

Доумяо понурился.

— А было бы хорошо, если бы он был моим зятем. Тогда, если старший брат поранится, его можно было бы сразу вылечить.

Е Чжэнкунь, услышав слова сына, шлёпнул его.

— Ай! — Доумяо схватился за голову.

Е Чжэнкунь строго посмотрел на него.

— Как ты можешь так говорить!

Ши Пулю тоже поспешила вмешаться.

— Какая болезнь, тьфу, тьфу, тьфу!

Доумяо прикрыл рот рукой, поняв, что сказал глупость, и тоже трижды сплюнул.

Семья ещё некоторое время посидела в комнате. Снаружи Ли Сынян, увидев, что никто не работает, снова начала кричать. Ши Пулю и Е Чжэнкунь, ничего не поделаешь, вышли.

Доумяо остался в комнате. Ши Пулю, закрывая дверь, наказала ему:

— Не мешай старшему брату спать. Время от времени трогай его лоб, и если покажется горячим, сразу же скажи нам.

Доумяо кивнул и сел на кровать.

Было ещё далеко до полудня. После сбора урожая работы в деревне становилось меньше, но она была разнообразной.

Нужно было кормить кур и уток, косить траву для свиней, рубить её, смешивать с отрубями и варить.

Ши Пулю, помимо стирки на всю семью, почти всё время проводила у плиты.

Е Чжэнкунь, как единственный сильный и послушный работник в семье, ходил в горы за дровами, вскапывал землю, носил воду, молот рис, удобрял огород...

Даже когда он уходил на заработки, вся эта работа накапливалась и ждала его возвращения.

Разве что Е Ишу, когда не был в горах, мог ему помочь.

Что до Е Кайляна и Ли Сынян... те отдыхали, как хотели.

Зимой, когда работы в поле не было, старики и старухи любили собираться вместе и сплетничать. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как Цзинь Лань опорочила их семью, и старики, по идее, должны были бы уже заскучать и выйти из дома.

Но деньги пропали, и после стольких дней поисков стало ясно, что их не вернуть. От этого старикам было ещё тяжелее, и они прятались в доме, никуда не выходя.

Они ждали возвращения Е Чжэнсуна, уж тогда ему достанется!

И вот, пока они ждали, на второй день после возвращения Е Ишу с гор, он вернулся.

Ранним утром деревню Сялинь окутал густой туман.

Туман был таким плотным, что в десяти шагах ничего не было видно.

Ши Пулю, разжигая утром огонь в печи, вдруг увидела во дворе какую-то тень. Она выглянула за дверь, но никого не увидела.

Испугавшись, что это привидение, она услышала крик из западного флигеля.

Вся семья, наспех одевшись, выбежала во двор. Подойдя к западному флигелю, они увидели Е

Чжэнсуна, стоявшего на коленях, которого Цзинь Лань держала за воротник, не давая вырваться.

Ли Сынян, разбуженная шумом, уже было хотела начать ругаться, но, увидев своего младшего сына, обрадовалась.

Однако, вспомнив о пропавших деньгах, она схватила метлу и набросилась на него.

— Вернулся, ты ещё смеешь возвращаться! Смотри, я забью тебя до смерти, негодяй! — Ли Сынян выплеснула всю свою ярость, копившуюся три дня, и Е Чжэнсун, спасаясь от ударов, метался по комнате, прикрывая голову руками.

В западном флигеле царил хаос. Только когда проснулся Е Кайлян, избитого и вопящего от боли Е Чжэнсуна притащили в главную комнату и поставили на колени.

Е Кайлян смотрел на своего любимого сына.

Он возлагал на него все надежды семьи Е, но теперь видел перед собой лишь обыкновенного мота.

Сдерживая гнев, он спросил:

— Е Чжэнсун, где деньги семьи?

Е Чжэнсун, опустив голову, пробормотал:

— Папа... папа, я не брал, какие деньги?

— Не брал, тогда почему ты сбежал, когда твоя жена нашла тебя?! Если вернёшь деньги, я сделаю вид, что ничего не было.

— Папа... не-не брал, я не брал! — Е Чжэнсун, втянув голову в плечи, с опаской посмотрел на отца.

Цзинь Лань, видя его трусость, в гневе выпалила:

— Ты ещё говоришь, что не брал! Шу-гээр своими глазами видел, как ты выходил из дома! Мы искали тебя в городе столько времени, скажи, куда ты дел деньги, отложенные на учёбу Цзиньбао?!

Е Чжэнсун, вытирая с лица слюну, ссутулился и молчал.

Е Кайлян, сдерживаясь из последних сил, схватил Е Чжэнсуна за одежду и вlepил ему пощёчину.

Сердце Ли Сынян дрогнуло, и она инстинктивно шагнула вперёд, чтобы остановить его. Но, вспомнив, что это были их сбережения на старость, сдержалась.

Она подошла к Е Чжэнсуну и с мольбой в голосе сказала:

— Сынок, умоляю тебя, верни деньги. Нам с отцом ещё на них старость встречать.

— Мама... я... я... — Е Чжэнсун, прикрывая лицо, не мог вынести умоляющего взгляда матери и снова замолчал.

Е Чжэнкунь, стоя в стороне, смотрел, как мать, которая никогда не была с ним так ласкова, уговаривает брата.

Ему было горько и обидно.

И его собственные сбережения, которые он копил несколько лет, деньги на сваху для гээр... Е Чжэнкунь сжал кулаки так, что костяшки побелели.

Терпение Е Кайляна лопнуло. Его лицо дёрнулось, он с силой ударил кулаком по столу и закричал:

— Е Чжэнсун! У тебя есть совесть?!

— Я растил тебя столько лет, разве ты в чём-то нуждался, а ты украл деньги! Если сегодня же не вернёшь их, я откажусь от тебя!

— Папа, я... я не брал, не брал! — Е Чжэнсун, чувствуя свою вину, подполз на коленях к отцу и вцепился в его штанину. — Шу-гээр видел, как я выходил из дома, значит, это я взял! А почему не вор, который залез в дом и всё украл!

— Тогда почему ты прятался? А?! Почему прятался, когда жена тебя нашла? — Е Кайлян снова ударил Е Чжэнсуна по лицу и, не сдержавшись, начал пинать его ногами.

Е Чжэнсун, прикрывая голову руками, выл:

— Больно, папа!

Е Кайлян, не останавливаясь, бил и кричал:

— Почему прятался?! Вернёшь или нет? Вернёшь?!

— Больно, папа, не бей. Не бей... я не могу их вернуть, не могу!

Туман постепенно рассеивался. Шум и крики в главной комнате не утихали, смешиваясь с женскими мольбами и проклятиями...

Ши Пулю, думая о своих деньгах, чувствовала, как у неё сжимается сердце.

Это были их с трудом заработанные деньги, которые они копили по одной медной монетке! Её муж таскал бесчисленные мешки с песком, так что спину не мог разогнуть.

Её гээр столько раз ходил в горы! И даже карманные деньги Доумяо украли!

Разве так поступает брат, так поступает дядя?!

Просто... просто негодяй!

Не человек!

Ши Пулю так разозлилась, что едва держалась на ногах. Она опёрлась о плиту, и её пальцы побелели от напряжения.

— Не стоит так волноваться, ты выпила лекарство?

Тень у входа заслонила свет. Услышав голос мужа, Ши Пулю обернулась и, схватив его за руку, спросила:

— А деньги?

Е Чжэнкунь тяжело вздохнул и, обессилев, сел на скамейку, проводя руками по волосам.

— Он не говорит.

— Скорее всего, их уже не вернуть.